

Из истории музея «Кутузовская изба» в 1920-е годы

Двадцатые годы XX в. занимают важное место в становлении музейного дела советской России. В условиях широкомасштабных задач по сохранению историко-культурных ценностей большое значение приобретает музеефикация страны и полная реорганизация всей дореволюционной системы музеев. Это волна коренных преобразований не могла не затронуть и музея «Кутузовская изба», возникшего еще в начале XX в.

В отечественной историографии отсутствуют исследования, специально посвященные становлению и развитию данного музея в то времяⁱ. Источниками для выяснения вопроса явились новые материалы, обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО). В ГАРФ - е в фондах Наркомпроса (НКП) и Главнауки НКП содержатся акты передачи Кутузовской избы в 1922 г. из ведения Отдела музеев НКП в подчинение Главнауки (приводится информация по истории музея, о состоянии экспонатов, их сохранности и т. п.). В ЦГАМО в фонде Московского отдела народного образования (МОНО) содержатся такие ценные документы, как две описи музейной коллекции, датированные 1923 и 1926 гг., материалы приема-сдачи рукописных и вещественных источников из ведения Главнауки в подчинение МОНО (акты, справки, докладные записки, отчеты, планы размещения экспонатов). Особую важность представляют документы, связанные с упразднением музея «Кутузовская изба» в 1929 г.: акты ревизии, ликвидации и передачи музейной коллекции в различные историко-культурные учреждения.

Накануне революционных событий 1917г. музей «Кутузовская изба» находился под патронажем Общества хоругвеносцев храма Христа Спасителя. Фонд музея возник в результате активной деятельности Общества по сбору источников по истории Отечественной войны 1812 года вообще и конкретным событиям, связанным с Военным советом генералитета русской армии в Филях 1 сентября, в частности. В основу коллекции Кутузовской избы легли прежде всего пожертвования из частных собраний. Вещественные и письменные экспонаты были широко представлены для всеобщего обозрения. Общество хоругвеносцев занималось и благотворительной деятельностью, содержало при Кутузовской избе солдат-инвалидовⁱⁱ.

Революционный переворот в октябре 1917г. резко изменил общественный статус и положение музея, превратив его в разряд государственного учреждения. Непременным условием сохранения музея в то бурное лихолетье явилось наличие в нем документов, имеющих военно-патриотическое и культурно-воспитательное значение. В соответствии с декретом (от 5 октября 1918 г.) «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» музей «Кутузовская изба» был передан в ведение местного волостного Советаⁱⁱⁱ. С 1919 по 1922 гг. Кутузовская изба находилась в подчинении Наркомпроса РСФСР. К сожалению, за тот период документами по истории этого музея исследователи фактически не располагают.

В первые годы Советской власти и гражданской войны музей находился в состоянии упадка, был закрыт для посещений и практически не функционировал. В нем была свернута экспозиционная работа, отсутствовала какая-либо система охраны помещений, здание постепенно разрушалось. По этому поводу в акте обследования состояния музея за ноябрь 1922 г. сообщалось: «В настоящее время некоторые бревна прогнили и требуют замены. Имущество музейного характера сложено в левой половине избы без всякой системы»^{iv}. По акту ревизии Кутузовской избы (от 10 октября 1922 г.) указывалось на отсутствие в запасниках 28 экспонатов, учтенных еще в инвентарной описи Общества хоругвеносцев храма Христа Спасителя. Среди исчезнувших памятников культуры оказались бюсты императоров Александра I и Наполеона Бонапарта, гравюрные портреты Уварова, Милорадовича, Бибикова, Наполеона, картины «Сражение при Бородине», «Разбитие Наполеона при переправе через Березину», «Бегство французов из Москвы», печатные издания «Святейший князь Кутузов и его сподвижники», «Первые русские фельдмаршалы до Кутузова», «Любопытные рассказы 1812 года» и др. Во время той же ревизии в запасниках музея были обнаружены неучтенные ранее пять портретов героев Отечественной войны 1812 г., две гравюры, картина «Наполеон у камина» и др.^v

Судя по документам, экспозиция музея, как и в дореволюционное время, располагалась в левой части Кутузовской избы, а в ее правой части размещались жилые помещения; в коридоре были развешаны картины по тематике событий 1812 г. («Изба деревянная, разделенная сенями на две половины. Из них левая занята музейным имуществом, а правая — помещением, в котором жили инвалиды»)^{vi}. На территории музея располагались также следующие памятные объекты: каменный обелиск, церковь Михаила Архангела, возведенная к 100-летию Отечественной войны 1812 года, походная коляска М. И. Кутузова

(размещалась в каменном сарае) и бюст генерал - фельдмаршала.

В начале 1920-х годов в Кутузовской избе насчитывалось несколько сот экспонатов. Но штат музея отсутствовал, обязанности сторожа выполнял проживавший при музее инвалид Рыбаков. В соответствии с постановлением правительства РСФСР в мае 1922 г. Кутузовская изба была включена в музейную сеть Главнауки НКП^{vii}. 14 октября 1922г., в выданном мандате на имя заведующего коммандатурой Главнауки М. Н. Мерлина предписывалось составить «описи находящихся в ней (Кутузовской избе. — М.П.) предметов художественно-исторического значения и наложения печатей как на художественно-исторические ценности, так и на само здание избы Кутузова». В целях обеспечения сохранности экспонатов 10 декабря 1922г. помещения музея были опечатаны представителями Главнауки^{viii}.

Находясь в ведении Главнауки НКП, музей «Кутузовская изба» стал постепенно функционировать. В мае 1923 г. сотрудниками музейного отдела Главнауки была составлена опись сохранившихся музейных экспонатов. Но этот список рукописных и вещественных памятников оказался неполным. Во время ревизии Кутузовской избы в 1926 г. выяснилось, что в него не вошли предметы, находившиеся в опечатанных витринах. Кроме того, описи носили групповой характер, с суммарным указанием единиц хранения (например, «портретов, гравюр и литографий — 13», «литографий, гравюр — 23»). В опись также вошел хозяйственный инвентарь музея (витрины, столы и т. п.). В ней отсутствовала какая-либо систематизация экспонатов, их группировка на виды и разновидности: вещественные, рукописные, картографические, изобразительные и др. К сожалению, указанные погрешности характерны и для сдаточной описи 1926 г., хотя она отличалась большей полнотой информации^{ix}.

С 1923 г. музей начинает принимать после долгого перерыва первых посетителей. В 1923 г. его посетили 1416 человек, в 1924 — 3467, а в 1925 г. — 3883. Видимо, в то время музей не имел определенного названия, проходя по документам как «Изба Военного совета в Филях 1812 года», «Кутузовская изба в Филях», «Изба Кутузова» и просто «Кутузовская изба». Лишь с постановления СНК РСФСР «О передаче в ведение местных исполкомов музейных и художественных ценностей» (от 14 августа 1925 г.) музей приобретает официальное название — музей «Кутузовская изба в Филях»^x.

Трудно судить об экспозиционном плане музея, когда он находился в подчинении Главнауки. Судя по описи 1923 г., экскурсантам демонстрировали портреты Александра I и Наполеона Бонапарта, генерал - фельдмаршала М. И. Кутузова, героев Отечественной войны 1812 года, художественные картины («Военный совет в Филях», «Пленение французов»), правительственные указы и манифесты за 1812-1814гг., книги и т.п. Можно предположить, что уровень проведения подобных экскурсий, как и сама научно-методическая сторона организации экспозиции были несовершенными. В акте за 1926 г. по этому поводу отмечалось, что «экспозиция музея требует реорганизации ввиду ее случайной развески и бессистемности, необходимости использования и других материалов, имеющих в запасе, как различных рукописных книг, картин и портретов, относящихся к эпохе 12 года; каких-либо графических документов не имеется»^{xi}. Вероятно, эти экскурсии, ввиду отсутствия в штате научного сотрудника, проводились сторожем Рыбаковым, который проживал в Кутузовской избе. Как указывалось в акте 1926 г., здание музея требовало ремонта, «смены балок, мостов, починки и покраски крыши». Выделенные на ремонтные работы деньги в размере 722 руб. не были израсходованы. Каких-либо доходов музей в то время не получал и находился на государственной дотации^{xii}.

В 1925 г. в связи с коренной реорганизацией музейной сети решением правительства РСФСР Кутузовская изба была выведена из республиканского подчинения и передана в музейный отдел Мосгубисполкома^{xiii}. Наступает новый период в деятельности музея; происходит его структурная, финансовая, экспозиционная и научно-методическая перестройка. Штат музея был утвержден в количестве одного сотрудника. По ходатайству Наркомата по военным и морским делам смотрителем Кутузовской избы был назначен бывший красноармеец, участник гражданской войны с 1919г. Яков Митрофанович Цветков^{xiv}. К своим обязанностям он приступил 1 ноября 1926 г. (с окладом 37 руб. 28 коп. в месяц). Учитывая большой круг обязанностей Я. М. Цветкова, руководство МОНО сочло целесообразным повысить ему оклад до 80 руб. Кроме того, в бюджет музея были включены статьи по транспортным и командировочным расходам. Впоследствии эти финансовые меры МОНО послужили основанием для проведения проверки деятельности музея и лично Цветкова.

Не обладая опытом музейного дела, Цветков тем не менее на должном уровне организовал работу Кутузовской избы. В музейный подотдел МОНО поступали его многочисленные запросы, предложения и докладные записки по научным и хозяйственным вопросам. В 1927 г. им была

подана докладная записка об основных мерах по улучшению работы музея «Кутузовская изба». В документе особое внимание уделялось необходимости проведения капитального ремонта всех хозяйственных построек (смена прогнивших бревен, крыши и пола в помещениях музея, их побелка и покраска, перекладка перил и т. п.), благоустройство территории (разбивка дорожек и цветника, посадка деревьев, ремонт изгороди и колодца), совершенствование научно-методической работы (проведение инвентаризации и учета экспонатов, их каталогизация, создание экспозиционных планов, новых выставок). В этом плане предпринимаются и первые практические шаги, В 1928г. на ремонт музея было затрачено 2610 руб.^{xv} Стремясь компенсировать предполагаемые финансовые расходы, в музее было введено платное посещение для одиноких посетителей (10 коп. с человека). Началась сдача пустующих музейных построек в аренду под жилье^{xvi}. В музее был введен четкий режим работы, проведено электроосвещение, поставлен вопрос о телефонизации. Кутузовская изба стала приносить первые, хотя довольно скромные, доходы. Так, в 1928 г. поступления от продажи билетов и квартирной аренды составили 114 руб. 70 коп.^{xvii}

При поддержке музейного отдела МОНО в музее развернулась активная работа по расширению коллекционного собрания. Я.М. Цветков получил специальные предписания для проведения разыскания новых экспонатов в церкви Михаила Архангела и в храме Христа Спасителя. В частности, 3 августа 1927 г. он был командирован в общину церкви Михаила Архангела «к осмотру музейных вещей, находящихся в церкви». Аналогичное командировочное удостоверение (от 5 января 1928 г.) предписывало совету Общества хоругвеносцев храма Христа Спасителя «передать имеющиеся материалы для Кутузовской избы по войне 1812 года»^{xviii}. К сожалению, говорить о конкретно отобранных предметах сложно, так как в документах нет соответствующей информации. Тем не менее, установлено, что фонды музея пополнились новыми картинами, гравюрами (поступили из частной коллекции Курской губернии), схемами военных сражений, портретами героев Отечественной войны 1812 года, редкими книгами (например, 7-томным собранием «Отечественная война и русское общество 1812 года»^{xix}).

При непосредственном участии сотрудников музейного отдела МОНО в музее «Кутузовская изба» началась подготовка к выставке, приуроченной к 10-летию Великого Октября и 115-й годовщине Отечественной войне 1812 г. На базе музейного собрания был составлен экспозиционный план-схема^{xx}. Это было одно из ранних описаний выставочных экспозиций, сохранившихся по музею. Знакомство с планом позволяет сделать вывод о тщательном отборе экспонатов, о его строгой историко-хронологической и логической последовательности. Экспонаты выставки, как и прежде, находились в левой половине Кутузовской избы и в коридоре. Судя по экспозиционному плану, с правой и с левой сторон входной двери в музей располагались информационные данные о составе русской и французской армий с момента начала войны. Далее по коридору справа, между входом в жилые помещения зрителя и квартиранта, были вывешены картографические материалы (карта-схема движения войск Наполеона в Центральную Россию, карта отступления русской армии к Москве). На противоположной стороне коридора были развешаны гравюры М. И. Кутузова, фотографии дома, где умер генерал-фельдмаршал и бюста, поставленного в память о нем. Здесь же были помещены: литография «Наполеон на Поклонной горе», карта расположения воюющих сторон в сентябре 1812г., схема позиций войск Наполеона и М. И. Кутузова под древней столицей и план отхода русских войск из Москвы. В коридоре были развешаны также картины, связанные с действиями партизанских отрядов.

Основная часть экспозиции размещалась в комнате, где проходил Военный совет. В левой ее половине, напротив печи, были расположены стол для заседания, две деревянные лавки и бюст М. И. Кутузова (на том месте, где он сидел на совете); на стене висела картина А. Д. Кившенко «Совет в Филях», а в углу избы помещены иконы. Далее вдоль поперечной стены были выставлены два бюста М. И. Кутузова и помещена витрина с экспонатами. На противоположной (от места заседания) стене организаторы выставки развесили портреты и гравюры М. И. Кутузова, а также литографии его похорон в Санкт - Петербурге. Здесь же висели две картины «Кутузов во время боя» и «Малоярославецкий путь Кутузова», а также портреты и гравюры генералов, участников Отечественной войны 1812 года — М. Б. Баркляя де Толли, П. И. Баграциона, Д. С. Дохтурова, Л. Л. Беннигсена, А. И. Остерман - Толстого, А. П. Ермолова, А. П. Тормасова и др. На передней стене, где располагалась входная дверь в комнату, были развешаны картины «Пожар Москвы», «Выход французов из Москвы», литография «Старостиха Василиса», карикатурные сюжеты из времен Отечественной войны 1812 г. Как отмечали организаторы выставки, «в экспозицию вошли единственные предметы и гравюры из вновь поступившей коллекции Курской губернии, вновь приобретенных портретов, картин и схем». Однако экспозиционный план был составлен в довольно схематичной и лаконичной форме. В частности, отсутствовала

информация о тех экспонатах, которые размещались в витринах; конспективный характер носила пояснительная записка, в которой указывалось лишь время подготовки выставки (22 сентября — 20 октября) и особенности ее формирования (основана преимущественно на новых поступлениях). По этому плану неясно, какие подлинные предметы эпохи войны 1812 года были представлены, каков состав и содержание рукописных источников и книг. В документе отсутствовали данные о таких уникальных экспонатах, хранящихся в музее-избе, как кресло-качалка М. И. Кутузова, скамейка, чернильница в мраморной подставке и т. п.

Выставка была открыта 25 октября 1927 г. и явилась знаменательным событием в общественно-культурной жизни столицы того времени. В 1927 г. на основании музейной коллекции был подготовлен путеводитель-справочник «Кутузовская изба». В рекламной заявке в редакцию «Вся Москва» сообщалось, что в предполагаемом «издании отражена эпоха 1812 г. в период от Бородино до Москвы и главным образом Военный совет на Филях»^{xxi}. Одновременно с ростом своей научной значимости и известности музей «Кутузовская изба» начинает сталкиваться с серьезными трудностями. Существенные затруднения музей испытывал с проблемой сохранности экспонатов. В начале 1920-х годов Кутузовская изба неоднократно подвергалась разбойным налетам с целью похищения уникальных исторических реликвий. Музей находился в малонаселенной местности на западной окраине столицы. Это глухое местечко было окружено пустырями, оврагами и крестьянскими полями. Недалеко от музея располагалась Кутузовская слобода, основанная в начале XX в.^{xxii} В середине 1920-х годов здесь проживало всего 230 человек, в том числе рабочих и служащих — 87, огородников — 64, кустарей — 79. Ежегодно, начиная с 1922 г., музей подвергался налетам с применением огнестрельного оружия. Особенно эти нападения участились в 1927 г., когда шла подготовка к открытию новой экспозиции (было совершено четыре налета). По этому поводу 18 октября 1927 г. смотритель музея Я. М. Цветков сообщал в МОНО о том, что налетчики «выставили у каретного сарая стекло, свалили статую Кутузова» и пытались проникнуть в помещение музея. В этой связи руководство МОНО обратилось в Московскую уездную милицию с просьбой организовать постоянное дежурство в музее и учредить специальный пост вблизи него на Можайском шоссе. Мотивируя свое ходатайство музейный подотдел МОНО особо подчеркивал, что «музей имеет экспонаты исключительного исторического значения»^{xxiii}.

С еще большими испытаниями пришлось столкнуться музею в 1929 г., когда был поставлен вопрос о его ликвидации. Это было время коренного изменения административно-территориального деления Центрально-промышленного района, образования на базе упраздненной Московской губернии с ее уездами и волостями Московской области с районами. Новое районирование сопровождалось структурной перестройкой местных органов и учреждений, ограничением бюджетных ассигнований на управленческий аппарат и культурно-просветительную работу. Началось массовое закрытие краеведческих музеев. Эта реорганизация коснулась и Кутузовской избы. В мае 1929 г. здесь начала работать специальная комиссия Московского губернского отдела «Губпроса». Поводом к обследованию послужил факт необоснованного повышения оклада смотрителю музея Я. М. Цветкову. В действительности перед властями стояла задача мотивировать необходимость закрытия Кутузовской избы. Ревизии подверглись все стороны деятельности музея: хозяйственная, финансовая, научно-методическая и экскурсионная. В акте обследования, подписанного членами комиссии 27 мая 1929 г., в довольно резкой форме давалась оценка работы Цветкова. Он обвинялся в нарушении служебных инструкций, в превышении своих полномочий, в необоснованных затратах на капитальный ремонт здания музея, в низкой профессиональной и идеологической подготовленности при проведении экскурсий. В частности, в акте утверждалось, что «он (Я. М. Цветков. — М.П.) трактует войну 1812 года также, как, наверное, делали это хоруговосцы храма Христа Спасителя, поставившие эту избы»^{xxiv}. Но особое место в заключительной части акта проверки отводилось определению места и роли Кутузовской избы в системе, музейных учреждений. Авторы документа с чисто классовых позиций того времени, используя необоснованные политические обвинения в адрес своих идеологических противников, категорически утверждали об отсутствии какой-либо исторической ценности Кутузовской избы как памятника культуры. В акте, правда, резонно ставился вопрос: «Для чего этот музей существует? Ведь это же не та изба, в которой был Военный совет... Но она сгорела в 1868 году». Отвечая на поставленный вопрос, члены комиссии с большевистской прямотой указывали на то, что «эта изба была построена черносотенной организацией для прославления помыслов богословов, внушивших Кутузову /мысль/ об оставлении Москвы». Составители акта явно игнорировали фактор духовного и патриотического подъема потомков героев Отечественной войны 1812 года по восстановлению утраченных исторических памятников боевого прошлого русского народа. С тех же классовых позиций подвергся резкой критике экспозиционный план музея, который подготовлен якобы «во славу российского императора». Схоластичный характер, например, носит положение авторов документа о том, что широко представленные в экспозиции иконы всегда выражали антинародные

цели, направленные на то, чтобы «заставить крепостных умереть во имя интересов помещиков». Вызывает сомнение и содержащееся в акте утверждение о слабом посещении музея экскурсантами. В действительности, с октября 1925 г. по октябрь 1926 г. в Кутузовской избе побывало 6856 человек, а за первые месяцы 1927 г. — 1441 человек^{xxv}.

Конечно, можно согласиться с теми замечаниями в акте, которые связаны с недостаточной научно-методической работой музея, слабым и малоэффективным контролем со стороны МОНО, низкой профессиональной квалификацией смотрителя Цветкова. Однако выводы комиссии не соответствовали реальному положению дел в музее и носили явно тенденциозный характер. В акте предлагалось ликвидировать музей «Кутузовская изба» и на его базе создать «избу-читальню, в которой эта окраина Москвы, наверное, нуждается».

Понимая, что судьба музея предрешена, тем не менее музейный подотдел МОНО пытается смягчить резко отрицательный тон заключения комиссии. В докладной записке в Мосгубсовет (от 13 мая 1920г.) зав. подотделом Кладуновский, стремясь как-то оградить Цветкова от необоснованных обвинений, замечает, что он «был в нем (Музее. — МП.) на должности коменданта и только. Никакой экскурсионной работы Цветкову...не поручалось, тем более составление путеводителя, который подотдел собирается издавать по Кутузовской избе»^{xxvi}. Одновременно, пытаясь сохранить музей, руководство МОНО предлагает передать его Центральному дому Красной армии (ЦДКА) или Историческому музею. Но в условиях ограниченных бюджетных ассигнований указанные учреждения отказались принять данное предложение. В МОНО рассматривался также вопрос о передаче Кутузовской избы в ведение Московского окружного отдела народного образования (ОкрОНО). Вместе с тем, 8 августа 1929 г. заведующий МОНО Алексинский направил в Моссовет и одновременно в Президиум Моссовета предложение о закрытии музея «Кутузовская изба». Приводим полностью текст этого документа. «В Президиум Моссовета. В ведении МОНО имеется так называемый музей "Кутузовская изба". В результате анализа работы этого музея в течении ряда лет установлено, что музей этот не представляет сколько-нибудь значимого интереса.

1. Подлинное здание Кутузовской избы сгорело, а настоящая, в которой размещен музей, построена в 80-х годах прошлого века и исторического интереса не представляет.

2. Коллекция музея, состоящая исключительно из портретного материала деятелей войны 1812 года, также сравнительно малоценна. МОНО предлагал передать Кутузовскую избу Историческому музею и Центральному дому Красной армии, однако эти учреждения принять музей в свое ведомство отказались. На основании изложенного МОНО просит в настоящее время, в связи с организацией Московской области, районолизации музейной сети, поставить на разрешение Моссовета вопрос о полной ликвидации музея «Кутузовская изба» и о передаче здания сельскому совету. Со своей стороны МОНО считает закрытие Кутузовской избы целесообразным. Зав. МОНО Алексинский»^{xxvii}.

Предложение МОНО было принято Президиумом Моссовета. В этой связи отпал вопрос о передаче музея в Московское ОкрОНО. По этому поводу туда из МОНО было направлено информационное письмо следующего содержания: «Московскому ОкрОНО предложено принять от МОНО музей «Кутузовская изба», близ станции «Фили». Однако 29 августа (1929 г.) распоряжением по МОНО № 151, после выяснения этого вопроса в Моссовете, решено музей этот ликвидировать»^{xxviii}.

Но распыления экспонатов Кутузовской избы во время ее упразднения по многочисленным музеям не последовало. Это было вызвано тем, что музейная коллекция, имевшая четкую тематическую направленность, могла быть перераспределена по немногочисленным музеям аналогичного профиля. Среди сданных экспонатов в музейный фонд МОНО преобладали печатные издания (альбомы, фотодокументы, литографии, книги). Из вещественных предметов следует указать на пишущее перо М. И. Кутузова, деревянный стол, две скамейки^{xxix}. Судя по распоряжению руководства МОНО, указанные экспонаты впоследствии подлежали передаче в Бородинский музей^{xxx}. Актом (от 23 сентября 1929 г.) в Исторический музей была сдана походная коляска М. И. Кутузова^{xxxi}. 21 сентября представителем Бородинского музея Жаковым были приняты многочисленные экспонаты рукописного, картографического, изобразительного и нумизматического характера. В частности, музей получил портреты с изображением Кутузова и Наполеона, 9 икон, литографии (например, «Кутузов на

Поклонной горе, «Наполеон на Поклонной горе» и др.), лубочные картины по тематике 1812 года, бюсты и статуи видных участников Отечественной войны^{xxxii}.

2 октября 1929 г. был подписан акт о ликвидации музея «Кутузовская изба» с передачей в МОНО печати и штампов музея; все помещения были опечатаны. Новым смотрителем над оставшимися экспонатами и музейными постройками был назначен Д. И. Капралов^{xxxiii}.

Итак, первые мероприятия Советской власти по музейному делу могли бы создать условия для формирования на базе музея «Кутузовская изба» мемориального комплекса героям Отечественной войны 1812 года на Поклонной горе. Однако этого не произошло. В 1920-е годы последовала целая серия административного переподчинения Кутузовской избы, которая завершилась упразднением этого уникального историко-культурного памятника.

Примечания

ⁱ История музея «Кутузовская изба» за 1920-е годы не нашла отражения даже в таких специальных работах, как *Володин П.* Кутузовская изба. М., 1977; *Анисимова Г. А., Крайванова И. Я., Полонская И. Г.* Кутузовская изба. М., 1981 и др.

ⁱⁱ *Прохоров М. Ф.* Из истории музея «Кутузовская изба» (до 1917 г.) // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1977. С. 160-168.

ⁱⁱⁱ Декреты Советской власти. М., 1961. Т. 3. С. 399.

^{iv} ГАРФ. Ф. А. 2307. Оп. 3. № 259. Л. 3.

^v Там же. Л. 2.

^{vi} Там же. Л. 3.

^{vii} Собрание узаконений. 1922. № 76.

^{viii} ГАРФ. Ф. А. 2307. Оп. 3. № 259. Л. 2, 8.

^{ix} ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 1057. Л. 1-10.

^x ГАРФ. Ф. А. 2306. Оп. 64. № 479. Л. 52; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. № 1678. Л. 102 об.; Ф. 966. Оп. 4. № 1057. Л. 4, 6.

^{xi} ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 1057. Л. 10.

^{xii} Там же. Л. 6-9.

^{xiii} Там же. № 1056. Л. 1-2, 17; № 2505. Л. 10.

^{xiv} Официально Я. М. Цветков числился сторожем. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 1056. Л. 32-34.

^{xv} ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 1056. Л. 1-2; № 2505. Л. 10.

^{xvi} В 1927—1928 гг. были сданы в наем беседка и одна из комнат музея сроком на один год за 75 и 92 руб. соответственно. Арендаторы обязывались провести текущий ремонт помещений (ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4, № 1056. Л. 9, 22).

^{xvii} ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2505. Л. 2, 6, 37.

^{xviii} Там же. Оп. 4. № 1056. Л. 5, 7, 10, 24-26.

^{xix} Там же. Л. 5, 7, 10.

^{xx} Там же. Л. 2-5.

^{xxi} Там же. Л. 12.

^{xxii} Жители указывали, что они являются выходцами «из безземельных крестьян, выселившихся на этот поселок задолго до революции путем заарендования участков и огородов крестьян деревни Фили» (ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. № 192. Д. 158; № 236. Л. 73).

^{xxiii} ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 1056. Л. 8.

^{xxiv} Там же. Л. 10.

^{xxv} Там же. № 1056. Л. 27

^{xxvi} Там же. № 2056. Л. 8.

^{xxvii} Там же. Л. 13-14.

^{xxviii} Там же. Л. 12.

^{xxix} Там же. Л. 25-26.

^{xxx} Там же. Л. 32-34.

^{xxxi} Там же. Л. 22.

^{xxxii} Там же. Л. 23-25.

^{xxxiii} Там же. Л. 22, 32.